

Геннадий МЕРКИН

Родился в Витебске в 1940 году. Окончил филологический факультет Могилевского государственного педагогического института. Кандидат филологических, доктор педагогических наук. Доцент, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики ее преподавания, профессор-консультант в Смоленском государственном университете. Краевед, методист и литературовед. Редактор томов «Смоленск. Краткая энциклопедия» и «Смоленская область. Энциклопедия» (в 2-х ч.). Заслуженный учитель РФ, награжден медалью К.Д. Ушинского. Живёт в Смоленске.

«ЕСТЬ ТАЙНА ВЫМЫСЛА...»

Несколько встреч с Борисом Васильевым

. Когда в начале 60-х годов XX века в морозно-слякотную жизнь России ворвался свежий ветер перемен, как бы то ни было, эти перемены отразились, прежде всего, в движении литературы. Зазвучали строки поэтов военного поколения, тех, кто сложился еще до войны, но впервые был принят и воспринят именно в 60-е: Самойлов, Слуцкий, Межиров, Гудзенко; публиковалась проза, вчера еще для нашей литературы невозможная: Виктор Некрасов, Гроссман, Бондарев, Белов, Аксенов. Нарасхват шли поэтические книги Окуджавы, Вознесенского, Рождественского, Евтушенко, Ахмадуллиной. Одна за другой выходили сразу же становившиеся популярными тома воспоминаний советских военачальников, среди которых особое место мгновенно заняли мемуары Г.К. Жукова. И поражали многотысячные тиражи книг: лирики и художественной прозы, мемуаров, книг научных, филологических изданий. Вот только один пример: исследование Ю.М. Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография: Пособие для учащихся

ся» было издано двумя заводами, суммарный тираж составил один миллион экземпляров.

Печатное слово оказалось необходимым, востребованным. Книга стала модной, это было благом, так как приобщало к чтению тысячи и тысячи людей, в том числе и молодежь. Пусть даже престижа ради.

Это движение в жизни и в литературе позднее получило название шестидесятничества.

Я жил и работал в эти годы в Вязьме - небольшом городе Смоленской области, но и здесь происходило то же, что было во всей стране: за книгами стояли в очередях, подписаться хотелось практически на всё - не только на профессиональные журналы, но и на «Новый мир», «Октябрь», «Дружбу народов», «Иностранную литературу», «Юность», «Огонек», «Науку и жизнь», «Литературную газету». Подписка была лимитирована, на школу, скажем, давали лимит на два, реже три наименования, конечно, этих лимитов было недостаточно, мы обращались к родителям, учителям, которые не жаждали приобретения книг или подписок. Не хватало денег, подписки оформлялись в кредит на два, иногда на три месяца. И самое важное и поразительное: все прочитывалось, обсуждалось, передавалось от одного читателя другому. Страна испытывала состояние книжного голода при огромных тиражах изданий - значит, у нее было главное: заинтересованный, жаждущий книги читатель. Казалось, удивить его уже было практически невозможно. Но «невозможное возможно.».

Уже на излете шестидесятых - в 1969 году - редактор «Юности» Борис Полевой публикует на страницах журнала повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие.». Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в одну ночь, на завтра-послезавтра после того, как журнал пришел к читателю, вчера ещё известный по сценариям для КВНа очень небольшому кругу людей, Борис Васильев стал всенародно признанным, необходимым, всесоюзно читаемым.

У меня благодаря этой повести состоялась одна очень важная учительская победа. Дело в том, что 11-й класс, куда я пришел работать, не очень-то хотел меня принимать: проверяли на прочность, как потом сказали сами ученики. «Зори.» я прочитал за

одну ночь. Был потрясен, как, наверное, каждый, кто прикоснулся к этой журнальной публикации. Не скрываю - подушка была сырой от слез, сердце колотилось от потрясения. Ни о чем, кроме как о девушках-зенитчицах, не хотелось думать. Пришел в класс со звонком. Сел за учительский стол и долго, совсем непривычно для учеников, молчал. Пауза затянулась, и я начал говорить о своем обретении и потрясении. Не помню - что и как, но ребята слушали внимательно. Читал какие-то фрагменты. Звонок с урока застал за чтением. Кто-то из одиннадцатиклассников крикнул: «Не уходите!» - и выбежал из класса. Быстро вернулся и с разочарованием произнес: «Не разрешили». Не разрешили проводить незапланированный в расписании урок. Тогда мы договорились передавать журнал от одного к другому. Не вышло: всем не терпелось прочитать сейчас, сегодня, но не ждать. И ребята предложили мне читать книгу вслух - для всех желающих: утром, за час до начала занятий, с половины восьмого утра.

Мои первые читатели-слушатели закончили школы, и однажды вечером по телефону я услышал: «Геннадий Самуйлович, завтра в кинотеатре начинается показ кинофильма «А зори здесь тихие». Мы идем всем классом, и взяли билет для вас. Вы пойдете?».

Повесть была уже издана отдельной книжкой, и мои вчерашние ученики занялись текстологией, привередливо выясняя, что изменилось в сценарии фильма по сравнению с книгой. Потом многие из них рассказывали мне, что не пропускают ни одного нового произведения Бориса Васильева, и ни разу не разочаровались. Васильев стал их писателем. И моим тоже.

Мог ли я когда-либо даже мечтать о том, что сумею войти в дом Бориса Львовича, что посчастливится издавать его книги, ночевать в кабинете его дома неподалёку от озера Сенеж, за Солнечногорском, а главное - доверительно говорить с ним о литературе, истории России, о его обретениях и намерениях. Я не принадлежу к числу людей, которых называют близкими, друзьями, хотя Борис Львович бесконечно и навсегда близок мне. Но это другая близость.

Знакомство с Борисом Львовичем и Зорей Альбертовной состоялось в Смоленске, благодаря доценту университета Михаилу Ефимовичу Стеклову. Он познакомил нас и представил меня не только как преподавателя вуза, но и как издателя: в 1993 году мне

предложили возглавить издательство ТРАСТ-ИМАКОМ на совершенно блистательных условиях: вот тебе стартовый капитал, издавай, что хочешь, нам не очень нужна прибыль издательства, но не нужны и убытки. За год с небольшим мы издали свыше двадцати наименований, среди которых были произведения художественной и научной литературы, произведения молодых авторов. Как раз в это время я задумал серию «Свидетельства о XX веке»: книги, авторы которых рассказали бы читателям о времени глазами смоленской интеллигенции.

Я поделился своей задумкой с Борисом Львовичем. Он ответил не сразу: задумался, ушел в себя. Зоря Альбертовна, наоборот, довольно быстро отреагировала, сказав: «Это может быть интересно. Приезжайте к нам в Сенез. Поговорим. Обсудим».

Так мне была открыта дорога в дом Васильевых.

Я подобрал очерки из журнальных и газетных публикаций Бориса Васильева, отвечающих проблеме серии, как-то сразу сложилось название тома - по одному из последних тогда опубликованных очерков: «Люби Россию в непогоду», довольно скоро книга вчерне была готова, я позвонил Борису Львовичу, и мне была назначена встреча.

Я впервые направлялся в Дом любимого писателя: не в музей-усадьбу, не в дом-музей, а в реальное жилище, где все наполнено его обитателями, их книгами, их вещами, их отношениями друг с другом, их бытом. Всё, что несет на себя непрременную печать личности.

Я был не то что поражен увиденным, скорее очарован: уже по тогдашним меркам это был обычный достаточно скромный двухэтажный дом (не особняк, не коттедж), где всё было естественно и просто, начиная от необходимых для простой жизни атрибутов, посуды, но зато с деревянной лестницей с балясинами на второй этаж, в кабинет писателя.

Принимали меня Васильевы в своей небольшой гостиной, быстро накрыли безыскусный стол с графинчиком водки, с непрременным вопросом: «Вы будете чарочку?». Первый тост был за нашу встречу, второй, как оказалось потом, всегдашний, не подверженный никаким изменениям тост за Зорю Альбертовну (всегда, при любой ситуации и в любой компании второй тост поднимался в доме за Зорю Альбертовну).

Меня неназойливо расспросили о моих корнях, о моих увлечениях, моих взглядах. Всё, повторяю, было частью живого человеческого интереса, а не вопросов с пристрастием. Вообще за этим столом, как и позже - в любой обстановке - в доме Васильевых было ощущение простоты, естественности, но при этом высокой простоты и интеллигентной естественности: в одежде, интонациях, манере общения с собеседником, умении слушать и слышать, в умении преподносить свои представления и отстаивать свое видение явлений, их суть. Без насилия, без жесткости, но с мягкой и в то же время глубокой убежденностью. Или с сомнением, если оно присутствовало в сознании.

Я раскрыл папку с материалами, Борис Львович внимательно всё посмотрел, передал папку Зоре Альбертовне, а сам вышел. Вскоре вернулся из кабинета, отдал мне другие очерки, сказав, что они по теме, но мною не представлены. И очень дотошно, придирчиво даже стал расспрашивать о названии серии, о том, кто потенциально войдет в число авторов, какие центральные проблемы будут подниматься. Внимательно слушала меня и Зоря Альбертовна. И оба, не сговариваясь, сказали примерно одинаковое: «Ну что же, это может быть интересно. Попробуйте».

Том «Люби Россию в непогоду» открывал серию «Свидетельства о XX веке» (Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, Полиграмма, 1994, тираж 1000 экз.). Еще пахнущую типографской краской книгу я повез в Сенег. Борис Львович рассматривал книгу сосредоточенно, спокойно. Вскоре из Москвы приехала Зоря Альбертовна, и Борис Львович с мягкой улыбкой сказал ей:

- Вот Геннадий Самуйлович привез книгу. Посмотри, Зоренька.

Зоря Альбертовна взяла книгу, ушла, сказав:

- Вы пообщайтесь, а я посмотрю.

С этой минуты начались счастливые мгновения, часы общения. Я рассказал Борису Львовичу о том, как взял в плен «Зорями.» моих суровых одиннадцатиклассников. Он очень внимательно и серьезно слушал, ему было очень важно узнать от первоисточника о том, как отнеслись к повести совсем юные читатели, близкие по возрасту его героям и столь различные по судьбе люди. Борис Львович был тронут моими воспоминаниями, стал расспрашивать,

как сложилась их дальнейшая судьба, в том числе и читательская. А я задал писателю вопрос, который волновал меня давно:

- Скажите, в названии повести зашифровано имя Зори Альбертовны?

Борис Львович улыбнулся, секунду подумал и ответил:

- На самом деле, нет, но мне хотелось бы, чтобы читатели так думали.

Борис Львович умел и любил создавать мифологемы и мифологизировать то, что казалось ему интересным и значимым. Так, гуляя по Блонье, городскому садику в Смоленске, он остановился, огляделся и начал рассуждать:

- А вы знаете, почему садик так называется? Обратите внимание на его расположение: примерно одинаково отдален от всех крепостных стен. Сюда во время осады города смоляне приводили женщин, стариков, детей - для безопасности, не долетали к этому месту ядра и пули. Блонье - от оболочки, наволочки, если хотите, то, что обтекает, прячет.

И хотя я знал научное толкование топонима, сотворенный на моих глазах миф показался мне удивительно красивым и оригинальным. Я сказал об этом Борису Львовичу. В лукавой улыбке писателя таилось что-то важное и загадочное. После паузы он сказал: «Есть правда научная, историческая, и ее надо знать. Но есть правда художественная, правда вымысла. Ею надо осторожно и умело пользоваться».

В Сенеже Борис Львович предложил мне издать собрание его сочинений. Для меня это предложение было неожиданным, сразу одолели сомнения: хватит ли сил, умения, средств, наконец. Мы в издательстве действовали по простому принципу: издавали большим тиражом том, имеющий все шансы на коммерческий успех: «Паж цесаревны» Л. Чарской, словарь «Русская феня» доцента В. Быкова и др.), заработанные деньги вкладывали в малотиражные и заведомо убыточные издания. А здесь такая обширная и интересная программа. Я, подумав и изложив свои сомнения, согласился. Теперь приезды в Сенеж стали системными: обсуждалась концепция каждого тома, дизайн, иллюстративный ряд: творчество нашего художника Александра Макаренкова Борис Львович одобрил сразу.

*Иллюстрации А.Макаренкова к произведениям Б.Васильева
«Завтра была война» и «В списках не значился»*

Из восьми задуманных томов удалось издать только шесть: издательство приняло заказ городской мэрии по подготовке и изданию словаря «Смоленск. Краткая энциклопедия», выполнило его тиражом 25 тысяч экземпляров, но власть оказалась несостоятельной, и ТРАСТ-ИМАКОМ закрылся. Совместные усилия: мои и Бориса Львовича - найти средства для завершения собрания сочинений не увенчались успехом. Все без исключения горячие обещания бизнесменов оказались пустыми словами.

Во время моих приездов мы говорили, конечно, не только об очередном томе. Мне кажется, Борис Львович нашел во мне нужного ему собеседника. Он подолгу рассказывал о своем новом писательском поиске - цикле исторических романов, прежде всего, о Древней Руси. Свой предмет он знал не просто как историк, - я до сих пор уверен, что его знания вполне сопоставимы не только со знаниями, но и с концепциями самых крупных специалистов. Борис Львович доходчиво объяснял мне, почему не соответствует действительности устойчивое представление о татаро-монгольском иге. «Ига не было, - утверждал он. - Было нашествие. Орда уничтожала только те территории, которые оказывали сопротивление и не платили дань...». Необыкновенно интересно

говорил об Александре Невском и его союзе с Ордой против западноевропейских врагов Руси. Мне казалось, что каждая страница истории, которую Борис Львович собирает художественно воссоздавать, не просто глубоко продумана им, но прочувствована настолько, что он почти ощущал себя человеком Древней Руси.

И беседа с Борисом Львовичем в его кабинете, и когда мы выходили подышать свежим сенежским воздухом, я позволял себе выяснять и очень важное для меня - то, что связано с тайнами писательского поиска. Я заметил, что Борис Львович особенно внимателен к тем вопросам, которые не от праздного любопытства, а говорят о том, что собеседник сам много о предмете размышляет. Так, его особенно заинтересовал вопрос о названии многих его произведений. Я начал издали - от Пушкина, Гоголя, Достоевского:

- Смотрите, в XIX веке писатели давали своим творениям, как правило, нейтральные названия. Например, «Евгений Онегин», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Полтава», «Цыганы» у Пушкина, «Ревизор», «Невский проспект» у Гоголя, «Братья Карамазовы» у Достоевского.

Борис Львович оживился:

- Вы не совсем правы. Возьмите «Мертвые души» Гоголя, «Преступление и наказание», «Бесы» Достоевского..

Я это понимал, более того, у меня была статистика произведений с нейтральным семантическим кодом в названии и кодом семантически выделенным. Я привел эти данные. Борис Львович, подумав, согласился и неожиданно заключил:

- Знаете, Геннадий Самуйлович, вы прикоснулись к одному из моих самых важных писательских ходов. Я, бывает, мучительно долго ишу именно название и первую строчку - как в лирике, где первая строчка задает тему, метр и ритм.

Я был поражен: Борис Львович рассуждал как истинный стиховед.

Историки и литературоведы, наверное, еще не раз обратятся к необходимости глубокого и разностороннего осмысления творческого наследия Б.Л. Васильева. На этом пути их ожидают важные открытия. Что касается читателей, им страницы васильевских книг доступны и дороги всегда.